

⁶⁷ индульгенция на 300 дней (фр.)

⁶⁸ Дезире Фелисьян Франсуа Жозеф Мерсье (1851–1926) — бельгийский кардинал, католический философ, представитель неомизма; архиепископ Мехелена и примас Бельгии (1906–1926); в начале 1920-х годов создал фонд «Бельгийская помощь русским студентам»; участвовал в экуменических съездах студенческого христианского движения. Подробнее см. некролог: Трубецкой Г. Н. Памяти кардинала Мерсье // Путь: Орган русской религиозной мысли. 1926. № 3. Март–апрель. С. 125–126.

⁶⁹ Цитата не выявлена. Возможно, об этой же речи кардинала Мерсье писал в некрологе кн. Г. Н. Трубецкой: «Когда война кончилась и все успокоилось, он понял, что начинается другая, неизмеримо более грандиозная борьба в мире — между Добром и Злом, Христом и Антихристом, и он призвал народы сплотиться вокруг знамени Креста и начать крестовый поход против большевиков. Его сердце было открыто всем страждущим, и он с необыкновенной любовью и милосердием относился к испытаниям, постигшим Россию. Он вызывал сборы в пользу голодающих в России, организовывал деятельную помощь русским беженцам, и особенно детям и молодежи в Бельгии» (Там же. С. 126).

⁷⁰ Слово подчеркнуто двумя чертами.

⁷¹ Толкование на: Ин. 21: 15.

⁷² Благословите все дела Господни, Господа: хвалите и превозносите Его во веки веков! (лат.) — Дан. 3: 57–58.

⁷³ То же (Дан. 3: 57–58).

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-4-246-261

ПИСЬМА М. В. САБАШНИКОВОЙ А. М. РЕМИЗОВУ 1927–1930 ГОДОВ: НЕИЗВЕСТНЫЕ ЭПИЗОДЫ ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ
© Е. Р. ОБАТНИНОЙ)*

В 1954 году, незадолго до кончины Алексея Ремизова (1877–1957), в Германии вышли в свет воспоминания художницы, писательницы, участницы антропософского движения Маргариты Сабашниковой (в замужестве Волошиной; 1882–1973) под названием «Зеленая змея: история одной жизни».¹ Известный писатель, с личностью которого мемуаристка связывала несколько существенных событий своей биографии, по всей вероятности, о появлении книги, обращенной к его петербургскому прошлому, так и не узнал. Однако, согласно хронологии «Зеленой змеи», Ремизов оказался едва ли не единственным современником, поддерживавшим контакты с автором на протяжении тридцати лет жизни: от знакомства в Петербурге осенью 1906 года до посещения парижской квартиры писателя в 1937 году. Последнее впечатление мемуаристки — образ замкнувшегося в себе чудака-затворника — хотя и вполне аутентично передавало настроения писателя,² но, не отражая реальной картины, свидетельство-

* Автор выражает сердечную благодарность К. М. Азадовскому и Ф. Б. Полякову за ценные консультации и помощь в подготовке вступительной статьи и комментариев.

¹ Woloshin M. Die grüne Schlange. Stuttgart, 1954. Далее ссылки на книгу приводятся по изданию: Волошина (Сабашникова) М. В. Зеленая змея: история одной жизни / Пер. с нем. М. Н. Жемчужниковой; комм. С. В. Казачкова и Т. Л. Стрижак. М., 1993 — приводятся сокращенно: *Зеленая змея*, с указанием номера страницы.

² Ср. также схожее впечатление другого современника, приехавшего в 1937 году в Париж, вероятно, как и Сабашникова, на Всемирную выставку: «Так и вижу его затравленную, голодную мышью, сидящим в своей комнате вместе со своими „коловертышами“ и „ауками“» (Степун Ф. Бывшее и несбывшееся: В 2 т. Нью-Йорк, 1956. Т. 1. С. 300). Психологическое состояние писателя было обусловлено обстоятельствами так называемой издательской «блокады», начавшейся в 1931 году и вынудившей его зарабатывать на жизнь изготовлением рукописных альбомов. См. высказывание Ремизова об этом периоде: «...с 1931 по 1949 моих книг вы не найдете. С этого года начало моей альбомной кропотли. Рукописными альбомами я продолжал свое ремесло — 18 лет.

вало лишь об исчерпанности взаимных интересов. Краткое признание Сабашниковой, между тем, раскрыло характер оставшихся в прошлом отношений: «Я так и не могла вызвать его на настоящую естественную беседу, а ведь мы были с ним очень хорошими друзьями» (*Зеленая змея*. С. 149).

В книге мы не находим конкретных подтверждений этой дружбы. Тем не менее другие источники предоставляют возможность восстановить утраченные звенья в хронологии встреч, состоявшихся в период с 1906 по 1937 год. До сих пор историко-литературные корреляции между Ремизовым и Сабашниковой опирались на воспоминания художницы о создании первого графического портрета «восходящей звезды» (*Зеленая змея*. С. 149), а также на контекст этого эпизода, связанный с известным центром символистской культуры, каким был тогда литературный салон Вяч. Иванова.³ Несомненно, что в начале знакомства, оказавшись в кругу петербургских символистов, Сабашникова нашла в Ремизове собеседника, поддержавшего ее живой интерес к народной мифологии и древнерусской книжности, который она пыталась реализовать, пробуя перо, например, в жанре волшебной сказки.⁴ Миф как сфера духовного опыта человечества для обоих был предметом специального изучения, с той кардинальной разницей, что начинающий писатель обращался к многочисленным трудам этнографов, а молодая художница искала свой ключ к пониманию образов и сюжетов народных сказаний в эзотерических учениях.⁵ Довольно скоро проявилась ее критическая оценка ремизовского речевого поведения, в частности обилия в его высказываниях диалектизмов и областных слов. Природная чуткость и начитанность Сабашниковой, позволявшие ей дифференцировать источники различных дискурсивных стилей, отразились в одной из дневниковых записей 1908 года, в которой она по памяти, обращаясь к событиям 1906–1907 годов, описала обертоны языковой личности своих собеседников, среди которых Ремизов заслужил неоднозначную оценку: «Речь Лидии <Зиновьевой-Аннибал. — Е. О.> была своеобразна и своевольна, русский смелый, неразборчивый и сильный язык. Чутье русской речи есть у Ремизова, но он манерен и застыл в своей манере. Что-то неподдельное проглядывает иногда у Зайцева. Его губит недостаток вкуса».⁶

Не будем забывать, что книга «Зеленая змея» — основной источник наших представлений о характере контактов Сабашниковой с Ремизовым — создавалась «в свете» духовной науки Рудольфа Штейнера. Автобиография мемуаристики здесь представлена как опыт формирования антропософского мировоззрения. Ремизову в этом жизнеописании была отведена роль одного из современников эпохи «великих перемен», события, лица и образы которой со временем выстроились в сознании Сабашниковой в наполненную скрытыми смыслами «архитектонику».⁷ В предисловии к публикуемому

Каждый альбом, а я им счет потерял — 400? — мечта о книге» (*Резникова Н. В.* Огненная память: Воспоминания об Алексее Ремизове / Подг. текста, сопроводит. статья А. М. Грачевой. СПб., 2013. С. 138).

³ См. о портрете: *Розанов Ю. В.* «Лик творчества» писателя А. М. Ремизова // *Вестник Вологодского гос. ун-та. Сер. Гуманитарные, общественные, педагогические науки.* 2017. № 1 (4). С. 58–63; *Обатнина Е.* Портрет писателя: взгляд извне и самоотожествление героя (Алексей Ремизов в художественной галерее 1906–1910 гг.) // «Учителя, ученики, коллеги...»: Сб. статей к 60-летию Дмитрия Петровича Бака. М., 2022. С. 339–361.

⁴ В 1906 году Сабашникова написала «Сказку о распятом царевиче» и в последующие годы опубликовала несколько рассказов (см.: *Летопись жизни и творчества Маргариты Васильевны Сабашниковой* / Сост. В. П. Купченко // *Ежеквартальный русский филологический журнал.* 2000. Т. III. № 3. С. 360–387). См. также рассмотрение сюжета биографии Сабашниковой, связанного с Вяч. Ивановым, сквозь призму образов волшебной сказки: *Обатнина Е. Р.* Вокруг книги «Посолонь»: сказка «Ночь темная» в контексте петербургских встреч Алексея Ремизова и Маргариты Сабашниковой // *Текст. Книга. Книгоиздание.* 2022 (в печати).

⁵ О глубоком интересе к древнерусской литературе с точки зрения эзотерических практик свидетельствует письмо теософки Н. К. Гернет, адресованное Сабашниковой 23 октября 1903 года (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 5. № 65. Л. 1–1 об.; сообщено К. М. Азадовским).

⁶ Цит. по дневнику Сабашниковой, запись от 10 июня 1908 года (архив Гетеанума, Дорнах; сообщено К. М. Азадовским).

⁷ Ср. текст предисловия к четвертому изданию книги (*Зеленая змея*. С. 10).

ниже письмам эмигрантского периода мы собрали обнаруженные в биографических документах писателя и его жены С. П. Ремизовой-Довгелло дополнения, подтверждающие их, хоть и отдаленную, но сопричастность пройденному Сабашниковой пути.

Переписка супругов Ремизовых предоставляет основания утверждать, что собственно дружеские контакты Маргариты Васильевны возникли первоначально с Серафимой Павловной и были мотивированы зародившимся интересом жены писателя к теософии и мистическому богопознанию. Эта сфера общения находилась под пристальным контролем А. Р. Минцловой.⁸

Названная сюжетная линия в книге «Зеленая змея» на страницах, посвященных Ремизовым, практически не обозначена, очевидно потому, что писатель занимал по отношению к реформаторским течениям своего времени позицию пассивного участника или даже стороннего наблюдателя.⁹ Единственной «зацепкой» для обнаружения искомой темы «духовной науки», составившей ядро автобиографического повествования Сабашниковой, является эпизод, открывающий главу «Пастух Макарий»: «...летом 1910 года в Париже на бульваре св. Мишеля Алексей Ремизов рассказал мне о пастухе, виденном им на Урале близ Верхотурья. „Когда этот пастух на восходе солнца молится на коленях, обративши лицо к утренней заре, или вечером, повернувшись к заходящему солнцу, то все его стадо — коровы, овцы и козы — стоит неподвижно, голова к голове, повернувшись туда же“» (*Зеленая змея*. С. 193–194).

Память мемуаристки ошибочно сместила реальное событие на год раньше — в лето 1910 года.¹⁰ На самом деле Ремизовы впервые засобирались в Париж только весной 1911 года благодаря литературному успеху писателя, обеспечившему исполнение давней мечты. В осуществлении долгожданной поездки их поддержал не кто иной, как Сабашникова. В том году она вернулась в Париж из Москвы уже в конце января. Ее письмо, полученное 11 марта, разрешило все сомнения неопытных путешественников. Немногословное, но конкретное обещание дружеской опеки Ремизов передал Серафиме Павловне, навещавшей в это время дочь в Берестовце: «Сегодня получено письмо от Марг<ариты> Васильев<ны>. Ждет в Париж и устроит дешево (2 франка в день) и встретит».¹¹ Уже 22 апреля супруги поселились в Лагинском квартале (Hôtel des Américains, Bd. St. Michel). Встречи с Маргаритой были частыми настолько, что

⁸ См. первое научное исследование феномена ее личности: *Богомолов Н. А.* Маленькая монография: Anna-Rudolf // Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. С. 23–110. О взаимоотношениях Минцловой и Сабашниковой см.: У истоков русского штейнерианства / Предисловие, публ., прим. К. М. Азадовского; публ. и прим. В. П. Купченко // Звезда. 1998. № 6. С. 146–191; *Азадовский К. М.* «Я чувствую в Вас вечность...»: Из писем А. Р. Минцловой к Маргарите Сабашниковой // От Кибирова до Пушкина: Сб. в честь 60-летия Н. А. Богомолова. М., 2011. С. 7–29. Характер отношений Ремизовых с Минцловой раскрывается в переписке супругов. См. упоминания: На вечерней заре. Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло. 1907 год / Вступ. статья, подг. текста и комм. Е. Р. Обатниной // Русская литература. 2014. № 1. С. 166; На вечерней заре. Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1909 год (окончание) / Вступ. статья, подг. текста и комм. Е. Р. Обатниной // Там же. 2016. № 2. С. 165, 169, 172.

⁹ Ср. позднейшее высказывание Ремизова: «З. Н. Гиппиус, „новая церковь“, антропософы Штайнера хотели отдалить меня от Серафимы Павловны. Духовно мелкие и нам чужое» (*Кодрянская Н.* Алексей Ремизов. Париж, [1959]. С. 319). См. также о Церкви Нового Завета Мережковских, в общину которой в большей степени, чем Ремизов, была вовлечена жена писателя: *Павлова М. М.* К истории неохристианской коммуны Мережковских (на материале «дневников» Т. Н. Гиппиус). Статья 1 // Русская литература. 2017. № 3. С. 222–242; Письма З. Н. Гиппиус к С. П. Ремизовой-Довгелло и А. М. Ремизову (1905–1941) / Подг. текста, вступ. статья и комм. Е. Р. Обатниной // Лит. наследство. 2021. Т. 106. Эпистолярное наследие З. Н. Гиппиус: В 2 кн. / Сост. Н. А. Богомолов и М. М. Павлова. Кн. 2. С. 249–492.

¹⁰ В «Летописи жизни и творчества Маргариты Васильевны Сабашниковой» В. П. Купченко ошибка повторена, а конкретное время встречи с Ремизовыми отнесено к сентябрю (Летопись жизни и творчества Маргариты Васильевны Сабашниковой. С. 374).

¹¹ Цит. по: «На вечерней заре». Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло. 1911 год / Вступ. статья, комм. Е. Р. Обатниной; подг. текста Е. Р. Обатниной, А. С. Урюпиной // Русская литература. 2018. № 1. С. 204.

художница успела написать портрет Серафимы Павловны.¹² Сабашникова, уже ставшая постоянной слушательницей лекционных циклов Доктора (как звали Штейнера его ученики и последователи), несомненно, делилась своими впечатлениями о философе и его учении. Неразрешимой проблемой для нее оказалась абстрактно понимаемая идея, которую она формулировала как «новый, сознательный, свободный путь к живому Христу» (*Зеленая змея*. С. 131). Именно поэтому рассказ Ремизова произвел на нее неизгладимое впечатление и запомнился как значительное событие духовной биографии: «Эту картину я должна видеть, подумала я. Три дня спустя я приехала в Москву...» (*Зеленая змея*. С. 194).¹³ Таким образом, писатель помог Сабашниковой перенести теоретически воспринятые знания в область личных переживаний, сумев в краткой зарисовке моления старца-пастуха передать духовную силу и гармонию простой физической жизни, освещенной божественным смыслом. Замечательно и то, что Ремизов, никогда не бывавший на Урале, очевидно, пользуясь общеизвестными сведениями о верхотурском скитнике Макарии, прославившемся уже в это время связями с Григорием Распутиным и через него с царской семьей,¹⁴ преобразовал обыденную сцену народного быта в мифологический «паттерн» легенды о духовидце. Памятный разговор на Сен-Мишель создал своего рода импульс в выборе собственной стези Сабашниковой в антропософской науке. Ее ракурс изучения был сконцентрирован на визионерстве и пророчествах как мистико-иррациональных формах русской религиозности. Феномен русского старчества отвечал идее Штейнера о роли народов в развитии человечества. В этой концепции русские подвижники православной веры, нередко «Христа ради юродивые», являлись непосредственными проводниками всевышней воли, определяющей духовную миссию славян.¹⁵

Дальнейшее изучение русского иночества продолжилось в июле 1912 года, когда Сабашникова отправилась в Саров и Дивеево с целью создания новой биографии

¹² Портрет некоторое время даже хранился у Ремизовых. Об этом узнаем из письма Сабашниковой к организатору и постоянному участнику ежегодных выставок Московского товарищества художников К. В. Кандаурову от 25 октября 1911 года. Намереваясь экспонировать новые работы, художница в числе предложений упоминала имена своих моделей и их адреса проживания: «...В Петербурге существуют еще два портрета. Один — жены Вячеслава Иванова, кот<орый> все еще не <в> рамке и кот<орый> теперь, верно, очень почернел. <...> и еще есть портрет Серафимы Павловны Ремезовой <так!> в очень веселых тонах, смеющейся, в васильках. Если Вы будете в Петербурге, посмотрите их, м<ожет> б<ыть>, и они годятся». Далее приводятся адреса Иванова и Ремизовых на Таврической (РГАЛИ. Ф. 769. Оп. 1. № 43. Л. 1; сообщено К. М. Азадовским). Как удалось выяснить, на экспозицию было отобрано три работы: «309. Портрет А. Р. Минцловой (фамилия воспроизведена с опечаткой: Минуловой. — Е. О.); 310. Портрет Е. А. Бальмонт; 311. Портрет N. N» (Каталог XIX выставки картин Московского т-ва художников. М., 1912. С. 20).

¹³ В «Летописи...» поездка предположительно отнесена к июлю 1911 года (Летопись жизни и творчества Маргариты Васильевны Сабашниковой. С. 375). Уточняющая корректировка датировок возможна по публикации: Переписка Э. К. Метнера и М. В. Сабашниковой / Вступ. статья, подг. текста и прим. Е. Глухой // *Russian Literature*. 2015. Vol. 77. Issue 4. P. 569–570.

¹⁴ Старец Макарий Верхотурский (Михаил Васильевич Поликарпов; 1851/1852 — 1917) — монах Верхотурского Свято-Николаевского монастыря; до пострига исполнял послушание пастуха; жил в Больше-Актайском скиту, по образу своего духовного служения считался «блаженным»; популярность скитника стала расти начиная с 1908 года, когда он впервые был привезен в Петербург для знакомства с семьей Николая II. Подробнее о нем см. очерк «Об уклонении от традиций старчества», составленный на основе архивных документов, в котором, в частности, со ссылкой на описание встречи Сабашниковой с Макарием подвергается критике «духовидчество» старца, прославившегося своими «пророчествами» (Старчество на Урале. Екатеринбург, 2011. С. 170–184). См. о нем также: *Варламов А.* Григорий Распутин-Новый. М., 2007. С. 22–25. Источник рассказа Ремизова не установлен. Отголосок темы предсказаний находим в романе «Взвихренная Русь». Ср.: «Марья Ивановна летом ездила на богомолье, бывала в Верхотурье и привезла пророчество затворника Макария: „Если в семнадцатом году народ не покается, через двенадцать лет Бог накажет, пошлет кровавый мор“» (*Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2000. Т. 5. Взвихренная Русь. С. 16).

¹⁵ Эта мысль философа получила оформление в его лекции, прочитанной для русской аудитории в Гельсингфорсе 11 апреля 1911 года, на которой присутствовал Сабашникова. Подробнее см.: *Варга П.* Русская идея в историософии Маргариты Сабашниковой-Волошиной // *Quaestio Rossica*. 2020. Т. 8. № 1. С. 108–118.

Серафима Саровского, канонизированного в 1903 году. Антропософский по концепции очерк жизни преподобного, внешне следовавший традиции агиографического жанра, был опубликован годом позднее в московском издательстве, основанном для распространения учения Штейнера в России.¹⁶

Интерес жены Ремизова к антропософскому учению на протяжении двух последующих лет нарастал. Так, в начале 1912 года она рвалась, очевидно, вместе с Сабашниковой, в Гельсингфорс, где в марте был анонсирован цикл лекций Штейнера.¹⁷ Ремизов, со своей стороны, по-прежнему не поддерживал это увлечение, а в одной из записок даже робко просил: «...к „немцу“ не поезжай: тут лучше, тихо».¹⁸ Поездка в Финляндию не состоялась,¹⁹ зато в августе 1912 и 1913 годов Серафима Павловна специально отправилась в Мюнхен, чтобы послушать курс лекций Доктора и его последователей.²⁰ Характерно, что жена Ремизова, хорошо знавшая историю несчастной любви Сабашниковой к Вяч. Иванову, которая явилась основной причиной ее разрыва с Максимilianом Волошиным,²¹ обратила особенное внимание на душевное состояние Маргариты Васильевны. Казалось, художница убеждала себя и окружающих в том, что нашла свой путь в учении Штейнера, но внутренне оставалась глубоко одиноким человеком. Это наблюдение после одной из встреч с Ремизовыми записал в дневнике А. А. Блок, более интересовавшийся судьбой друга-поэта, также примкнувшего

¹⁶ Сабашникова М. В. Святой Серафим. М., 1913.

¹⁷ С 21 марта по 2 апреля Штейнер прочел курс «Духовные существа в небесных телах и в царстве природы». Сабашникова вместе с друзьями была среди слушателей. См. также: *Зеленая змея*. С. 203.

¹⁸ Цит. по: «На вечерней заре». Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло. 1912 год / Вступ. статья и комм. Е. Р. Обатиной; подг. текста Е. Р. Обатиной и А. С. Урюпиной // *Русская литература*. 2019. № 1. С. 103. К этому времени относится появление в альбоме Серафимы Павловны вырезки печатного рисунка Сабашниковой (предположение о публикации в журнале «Тропинка» не подтвердилось; источник не установлен), который уже после смерти Ремизовой-Довгелло был сопровожден позднейшей надписью рукой Ремизова: «„Спящая красавица“ / Маргарита Васильевна / Сабашникова / автопортрет / Петербург 1912 г. / она написала роман „РАДУГА“ / моим глазам не поддается <глаголический значок>, 23 III 1948 / Paris» (Государственный музей истории русской литературы им. В. И. Даля (ГМИРЛИ). Ф. 156. Оп. 2. № 1293. Л. 42). См. фрагмент повести «Дуга-Радуга», появившийся в журнале «Грани» (1955. № 25. С. 69–91). На следующих листах альбома (л. 44–45; с ремизовской надписью: «Антропософия» и датировкой: «Петербург. 1911 г<од>») приклеен текст стихотворения с указанием автора: Е. И. Васильева [«Грааль»] («Все пути земные пыльны...»), переписанный рукой С. П. Ремизовой-Довгелло. Елизавета Ивановна Васильева (урожд. Дмитриева; 1887–1928) — поэтесса, известная в истории Серебряного века под именем Черубины де Габриак.

¹⁹ Подтверждение неосуществившейся поездки, в частности, обнаруживается в личных записях Блока, который зафиксировал свой визит к Ремизовым 24 марта 1912 года (*Блок А. Дневник* / Подг. текста, вступ. статья и прим. А. Л. Гришунина. М., 1989. С. 118–119).

²⁰ Согласно записям Андрея Белого, в августе 1912 года в Мюнхене была представлена обширная программа антропософского съезда — курс лекций Р. Штейнера, М. Бауэра и К. Унгера, а также серия постановок мистерий (см. об этом: *Лит. наследство*. 2016. Т. 105. Андрей Белый. Автобиографические своды / Сост. А. В. Лавров и Дж. Малмстад. С. 398). Присутствие Ремизовой-Довгелло на этих лекциях и представлениях косвенно подтверждается инскриптом Ремизова на личном экземпляре сборника «Подорожие» (СПб.: Сирин, 1913), в котором писатель, адресуясь к супруге, перечислил ключевые моменты творческого хронотопа 1912 года: «...деточка, оканчивал я „Пятую язву“ / вернувшись из Костромы / а ты была в Мюнхене и / в Париже одна...» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. № 73; автограф Ремизова на шмудтитугле книги). Поездка в Кострому состоялась в период с 10 по 20 августа (о датах поездки см.: Там же. № 3. Л. 15). Среди упомянутых Белым слушателей курса августовских лекций 1912 года фигурирует М. В. Волошина (Сабашникова); с ней, очевидно, Ремизова-Довгелло и последовала в Париж. Сведения о мюнхенском съезде антропософов в 1913 году также устанавливаются по записям Андрея Белого, присоединившегося к группе московских и петербургских слушателей, среди которых на этот раз упоминается имя жены Ремизова (см.: Андрей Белый и антропософия. Материал к биографии (интимный). Переписка с М. К. Морозовой / Публ. Дж. Малмстада // *Минувшее. Исторический альманах*. М., 1992. Вып. 6. С. 354).

²¹ Подробнее об этом см.: *Волошин М. История моей души* / Сост. В. П. Купченко. М., 1999. С. 155–201.

к ученикам Доктора: «Серафима Павловна видела в Мюнхене А. Белого. Она говорит, что <...> А. Белый враждебен Сабашниковой, которая живет при Штейнере, как при старшем брате только, живет потому, что измучена жизнью, больше, чем потому, что — Штейнер...»²²

После 1913 года документальные свидетельства контактов между героями нашего рассказа исчерпываются. Хотя гипотетически их встречи были более чем неизбежны. В частности, они могли пересекаться на лекциях и заседаниях Петроградской Вольной философской ассоциации (Вольфилы) в первой половине 1921 года, до отъезда Ремизовых за границу 5 августа 1921 года.²³ Маргарита Сабашникова, переехавшая из Москвы в Петроград в начале 1921 года, вошла в состав Отдела духовной культуры Вольфилы и возглавила кружок «Антропософия как путь самопознания».²⁴ Биографически значимым для нее стало выступление 28 мая с докладом «Сказка Гете о Зеленой Змее и Прекрасной Лилии»,²⁵ когда она впервые обнародовала собственную трактовку художественных образов произведения, выбранного Штейнером в качестве идеальной модели символического воплощения тех глобальных духовных процессов, которые свершались в начале XX века.²⁶

Ремизов в своем творчестве едва ли не единственный раз прибег к эзотерической символике в поэме «Огневица» — в одном из важнейших автобиографических произведений 1917 года,²⁷ отразивших трагедию самосознания как мистику перерождения души. Образ «змеи» — «стража» — возник в пограничном состоянии героя, находящегося между жизнью и смертью как в физическом, так и в духовном плане своего земного бытия. Наделение персонажа древних мифов, устойчиво связанного с мудростью и миром мертвых, функцией стража на первый взгляд согласуется с парадигмой классической мифологии. Однако предстояние героя на границе света и тьмы в поэме трактуется не только как выбор между смертью и жизнью, но и как выход из своего телесного «я», обретение нового сознания на фоне свершающегося исторического слома 1917 года — катастрофы вселенского значения. Такая интерпретация приобретает более выраженную корреляцию с трактовкой оккультного образа змеи как символа самопознания в философии Штейнера²⁸ и с «астральным телом» его антропософской концепции «Страж Порога», впервые объективированным в одноименной мистерии. Очевидно, что семантика этого концепта была раскрыта благодаря рассказу Ремизовой-Довгелло, присутствовавшей на спектакле в 1913 году, исполнительницей одной из ролей в котором, кстати, была Маргарита Сабашникова, участвовавшая и в других постановках мистерий.²⁹

²² Цит. по: Блок А. Дневник. С. 138.

²³ Ремизовы стали членами Вольфилы в 1919 году (см. протокол первого заседания: *Белогус В. Г. Вольфила: Петроградская Вольная философская ассоциация, 1919–1924: В 2 кн. М., 2005. Кн. 2. С. 13*).

²⁴ *Зеленая змея*. С. 394–395 (комм. С. В. Казачкова и Т. Л. Стрижак).

²⁵ Там же. С. 285. Упоминание о докладе в отчете ассоциации за 1920–1921 годы см.: *Белогус В. Г. Вольфила*. Кн. 2. С. 188; а также фиксации в заметках А. Белого, в частности о точной датировке доклада и об его участии в прениях по докладу (Там же. С. 192, 461).

²⁶ *Зеленая змея*. С. 374.

²⁷ Впервые: *Ремизов А. Огневица // Дело народа*. 1917. 22 окт. № 187. С. 5 (литературное приложение «Литература и революция»; № 10); 24 дек. № 241. С. 3–4.

²⁸ Ср. письмо Сабашниковой к Волошину от 8 (21) октября 1905 года, в котором воспроизводятся записи лекций Штейнера, только что прослушанных ею в Берлине: «Символ змеи. У позвоночных, у разных молосков нервная система общая, но дифференцированная, воспринимают мир они всем существом, и для них нет „ты и я“. Дифференциация, нервы позвоночного столба дали возможность сознать свое „я“. Поэтому змея, как первое позвоночное, символ самосознания (когда ученик сосредоточивает свое внутреннее зрение на своем позвоночном столбе, он представляется ему в виде змеи)» (*Волошин М. Собр. соч. М., 2013. Т. 11. Кн. 1. Переписка с Маргаритой Сабашниковой. 1903–1905. С. 619*).

²⁹ Курс из восьми лекций, посвященный мистериям, под названием «Die Geheimnisse der Schwelle» («Тайны Порога») был прочитан в период с 24 по 31 августа 1913 года. Тогда же состоялось первое представление мистерий «Страж Порога» и «Пробуждение Душ». Сабашникова участвовала в мюнхенской постановке этой и других мистерий (см.: *Зеленая змея*. С. 222–223; а также комм. на с. 368). Впервые образ «Стража Порога» в философской системе Доктора стал

В эмиграции оставаясь индифферентным к «духовной науке», писатель не искал знакомств с антропософами, покуда летнее путешествие по Верхней Баварии в июле 1922 года не преподнесло ему большое эмоциональное и духовное открытие. Благодаря опеке и личным связям переводчицы Феги Фриш,³⁰ спланировавшей эту поездку,³¹ состоялась незабываемая встреча с такими выдающимися представителями неорелигиозного движения, как Михаэль Бауэр и Маргарета Моргенштерн.³² Для нашего исследования биографических пересечений Ремизова и Сабашниковой, которых объединила тема русской агиографии, особо ценным оказывается свидетельство А. Белого, запомнившего ремизовскую уникальную в своем роде культурную аналогию между образом мыслителя-антропософа и известным русским подвижником христианской веры: «А. М. Ремизов, бывший у Бауэра, воскликнул: „Да ведь это какой-то «Амвросий Оптинский» на немецкий лад“». ³³ Антропософские встречи даже образовали в восприятии писателя антитетическую диспозицию образа Бауэра как «человека большого света», обращенного к другим,³⁴ и образа Штейнера — отчужденного от обычных людей гения, сгорающего во внутреннем духовном пламени.

Впервые увидеть и услышать основателя учения, легендарного Доктора, писателю довелось на одной из двух лекций, прочитанных в Берлинской филармонии.³⁵ Впоследствии, вспоминая это событие в письме к Льву Шестову, написанном в связи с полученным известием о кончине Штейнера, Ремизов делился впечатлением от экзотической манеры выступления философа: «Я его один раз слышал в Берлине 21-го г<ода>. / Ничего подобного я не слышал от человека: / не то, что он говорил, а как / он говорил к концу лекции — / такого исступления / я не представлял себе: / слова переклестывали слова / и фраза переливалась за фразу. / Казалось, или вспыхнет / или упадет в бесчувствии».³⁶ Описанный по памяти эмоционально-психологический настрой антропософа кардинально отличался от «большого света», открывшегося писателю в личности Бауэра, и того общепринятого представления о традиции «умного делания» святых старцев, которое характеризуется бесстрастностью и смирением индивидуального начала.

Новонайденные эпистолярные источники — четыре письма Сабашниковой-Волошиной 1927–1930 годов, сохранившиеся в архиве Ремизова, содержат ценные биографические сведения, необходимые для восполнения лакун в цепочке состоявшихся в эмигра-

известен по книге, переведенной на русский язык: *Штайнер Р.* Как достигнуть познания высших миров. М., 1918.

³⁰ Немецкая переводчица и поэтесса Фега Фриш (Frish; 1873–1942); см. о ней: *Поляков Ф. Б.* Алексей Ремизов и его переводчики в Германии: Архивные материалы (I) // *New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz.* Stanford, 2014. Part I. P. 325–338 (Stanford Slavic Studies; vol. 45).

³¹ О поездке также см.: *Ремизов А. М.* 1) Собр. соч. СПб., 2015. Т. 11. Зга. С. 482; 2) «На вечерней заре»: Главы из рукописи; Письма к С. П. Ремизовой-Довгелло. 1921–1922 гг. (окончание) / Комм. Е. Р. Обатниной; подг. текста Е. Р. Обатниной и А. С. Урюпиной // *Литературный факт.* 2018. № 8. С. 54; *Обатнина Е. Р.* Этюды к творческой биографии А. М. Ремизова: начало эмиграции. 1921–1922 гг. // Там же. № 7. С. 36.

³² О М. Бауэре и М. Моргенштерн см. прим. 15 к п. 2. наст. публ.

³³ *Белый А.* Воспоминание о Штейнере. С. 160. Об антропософских контактах Ремизова см. также статью, в частности актуализировавшую процитированное высказывание Ремизова о Бауэре: *Поляков Ф. Б.* «Взаимное тяготение культур». Заметки о немецкоязычной рецепции А. М. Ремизова в 1920-е — 1930-е годы // *Paralleli: Studi di letteratura e cultura russa / Per A. d'Amelia, a cura di C. Diddi e D. Rizzi.* Salerno, 2014. P. 355–356 (Europa Orientalis; vol. 22).

³⁴ Упоминание о Бауэре как о человеке, владевшем особым даром слова, «которое различает и именует», нашло свое место в хронологических сдвигах романа «Взвихренная Русь», где имя антропософа возникло в контексте воспоминаний о В. Г. Короленко (см.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 5. С. 146).

³⁵ Первая лекция «Anthroposophie und Wissenschaft» («Антропософия и наука») была прочитана 19 ноября, вторая — «Vater-Bewusstsein und Christus-Bewusstsein» («Сознание Отца и сознание Христа») состоялась 7 декабря.

³⁶ Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / Вступ. заметка, подг. текста и прим. И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевского // *Русская литература.* 1994. № 1. С. 161.

ции спорадических встреч и контактов двух представителей русского модернизма. Первое письмо, отправленное в начале 1927 года из Штутгарта, где после смерти Штейнера окончательно обосновалась художница, является ответом на новогодний подарок писателя, приславшего только что изданный роман «Взвихренная Русь». Упоминание Сабашниковой в качестве персонажа одного из снов этой книги указывает также на то, что за время ее подготовки к печати художница вновь вошла в круг общения писателя. Вероятнее всего, поводом для восстановления утраченных связей послужили ее воспоминания о паломничестве в уральский скит старца Макария Верхотурского, опубликованные на немецком языке в периодическом издании Христианской общины «Die Christengemeinschaft».³⁷ Несомненно, книжка была переслана Ремизову в память о разговоре на бульваре Сен-Мишель, состоявшемся в 1911 году. Доказательство этому факту обнаруживается в примечательном эпизоде, объединившем биографии двух наших героев.

Публикация очерка, посвященного русскому инокку, в антропософской периодике, возможно, так и осталась бы неизвестным литературным фактом творческого наследия Сабашниковой, если бы не выявленный в библиографии Ремизова его отклик, опубликованный в 1926 году на страницах нового эмигрантского литературного журнала «Благонамеренный». Написанный в специфической ремизовской манере, скорее «анонс», чем рецензия, текст представлял собой авторский вариант зарисовки о молении, ранее известной нам по воспоминаниям в «Зеленой змее»: «О старце Верхотурском Макарии — который старец так перевозмог „страсную стихию“, что и звери и скот слушались его. На вечерней заре — это когда старец пастухом был — станет старец и начнет молиться и все стадо — коровы и овцы и козы станут и стоят не шелохнутся, головой туда, куда старец смотрит, и как другой раз домой хочется, а терпеливо ждут, когда старец кончит молитву. Об этом старце Макарии и его разговоре рассказывает М. В. Сабашникова».³⁸

В современной исследовательской литературе тема сотрудничества Ремизова с немецкоязычными изданиями антропософского сообщества, публиковавшими его произведения в переводах участников движения, была поднята Ф. Б. Поляковым в связи с изучением биографии немецких корреспондентов писателя.³⁹ Однако роль Сабашниковой, ставшей для последователей учения Штейнера первооткрывателем имени Ремизова как писателя-мифолога, создателя мистериального по своему генезису жанра «русалий», искусного реставратора христианской легенды на русской почве, до сих пор оставалась совершенно неизвестной. Не будет преувеличением сказать, что благодаря ее способности аутентично раскрывать культурные подтексты произведений писателя, его творчеством вдохновился ближайший единомышленник Доктора, учредитель Христианской общины в Штутгарте — Вильгельм Рутенберг, присоединившийся к числу немецких переводчиков произведений Ремизова.⁴⁰ Сабашникова способствовала его горячему желанию представить ремизовское творчество не только на страницах антропософского журнала «Die Drei» — для относительно узкого круга воспитанников и преподавателей Вальдорфской школы, но и для широкой читательской аудитории в Германии.

³⁷ Sobaschnikowa <sic!> M. Makarius // Die Christengemeinschaft. 1925. № 9. S. 284–285.

³⁸ А. Р. [Ремизов А. М.]. [Рец. на:] Margarita Sobaschnikowa. Makarius. «Die Christengemeinschaft», Stuttgart, 1925, № 9 // Благонамеренный. 1926. № 2. Март–апрель. С. 164–165; см. также републикацию: Ремизов А. М. Собр. соч. СПб., 2018. Т. 14. Звезда надзвездная. С. 217–218. При текстологической сверке немецкого очерка Сабашниковой под названием «Makarius» и начала главы «Пастух Макарий» в «Зеленой змее» в переводе М. Н. Жемчужниковой обнаруживается небольшое, но существенное расхождение текстов. Каждый из них открывался цитатой, с той лишь разницей, что в воспоминаниях Сабашниковой (глава «Пастух Макарий») на русском языке она прочитывается как высказывание Ремизова, а в немецкой версии ее очерка представлена пояснением «sagt man» («так рассказывают»), указывающим на пересказ некоего предания. Благодарим Ф. Б. Полякова за обнаружение редкого антропософского периодического издания «Die Christengemeinschaft» и сличение публикаций.

³⁹ Напомним также статью, появившуюся в связи с выходом в свет первого издания русского перевода книги «Зеленая змея» (Постоуленко К. Ю. Штейнер и Маргарита // Новый мир. 1994. № 2. С. 248–249).

⁴⁰ См. о нем: Поляков Ф. Б. 1) «Взаимное тяготение культур». Р. 355; 2) Алексей Ремизов и его переводчики в Германии. Р. 329–331.

В своих письмах, адресованных Ремизову, Рутенберг не скрывал заботливого участия их общей знакомой в его работе: «Вчера мне удалось кончить перевод „Страды Богородицы“ на немецкий язык. Маргарита Васильевна — как мне кажется — довольна переводом. Я старался передать по немецкий <sic!> то чувство, которое оживляется в душе читателя при чтении русского текста. Это мне было важно».⁴¹ Как можно заключить из контекста этого письма, по отношению к антропософу, слабо владевшему русским языком,⁴² Сабашникова как носитель превосходного русского языка, глубоко изучавшая стилевое и жанровое разнообразие литературы и народного эпоса, взяла на себя сложную и ответственную миссию. Благодаря многолетнему общению с Ремизовым, она, до известной степени, стала не только «голосом» писателя, при чтении вслух аутентично передавая подлинное звучание и мелодику ремизовского сказа, но также толковательницей особенностей русского мифологического сознания и религиозности, отраженных в его легендах и сказках.

Развернутый рассказ о такой практике Сабашниковой находим в письме переводчицы антропософского круга Гертруд Ган,⁴³ адресованном Ремизову. Первая же встреча с русской последовательницей Штейнера оказалась для нее, так же как и для Рутенберга, чрезвычайно плодотворной в связи с подготовкой публикации на немецком языке легенды «Рождество Христово». Текст, в котором писатель, в частности, совместил реалии древней иудейской истории и российскую действительность первых советских лет, не просто давался пониманию человека, не жившего в постреволюционной России: «За это время я два раза видела Маргариту Васильевну Волошину, — писала Ган 30 августа 1926 года, — она была в Breitbrunn, и я познакомилась с ней через Frau Morgenstern. Она Вам велела кланяться, я ей принесла „Рождество“ Ваше, и она мне громко читала из него, по-Вашему; говорит, Вы хорошо очень читаете. Ей очень понравилась эта вещь, и она даже попросила дать ей его на время в Штутгарт (завтра она едет туда), и я как закончу перевод (т. е. еще сличить хочу), то пошлю ей. Она мне кое-что рассказала, как понимает Вас, т. е. даже не столько рассказала, как просто кратким словом указала, как, напр<имер>, в „Рождестве“ насчет „месткома“: что все ведь *настоящая*, теперешняя Россия — и это правда, так нужно понять».⁴⁴

В целом тема контактов Ремизова с переводчиками-антропософами благодаря письмам Сабашниковой наполняется новым содержанием, позволяющим раздвинуть линию исследовательского горизонта в сторону изучения творческой прагматики Ремизова в условиях эмиграции. В созданном антропософами культе русской духовности писатель закономерно занял «пьедестал» одного из подлинных выразителей русской народной Души.⁴⁵

* * *

Письма публикуются по автографам, хранящимся в фонде А. М. Ремизова и С. П. Ремизовой-Довгелло в Центре русской культуры Амхерст-колледжа (Amherst College Center for Russian Culture (USA). Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers. Series 1. B. 2. F. 7). Тексты воспроизводятся в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации; исключение составляет авторское написание имен и фамилий.

⁴¹ Amherst. Series 1. Box 4. Folder 10 (письмо от 12 октября 1926 года).

⁴² Свое письмо Рутенберг начал с краткого пояснения: «Прошу извинения, потому что я плохо пишу по русский <sic!>, но — я думаю — лучше писать плохо по русский, чем „изящно“ по немецкий, — чтобы только Алексей Михайлович поймет в чем дело» (Ibid.).

⁴³ См. о ней прим. 5 к п. 4. В написании фамилии мы опираемся на русифицированный вариант (Ган), который использовала сама переводчица в переписке с русскими корреспондентами.

⁴⁴ Amherst. Series 1. Box 4. Folder 6. Ган работала с новой редакцией легенды (первая была опубликована в 1911 году), которая на русском языке появилась в печати только в 1927 году в журнале «Путь» (№ 6. С. 3–13); см. также: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 14. С. 47–60.

⁴⁵ Этому концепту Штейнер посвятил специальную лекцию под названием «Народные Души», прочитанную в Берлине 27 ноября 1914 года.

1

Schellbergstrasse <sic!> 84
Stuttgart
<январь 1927 г.>

Дорогой Алексей Михайлович,

Простите мне мое молчание; не было ни минутки, чтобы действительно сосредоточиться для письма (меняла комнату, устраивала курсы живописи, хворала и т<ак> д<але>е). Вашу книгу «Взвихренная Русь»¹ читаю по ночам; и глубоко, глубоко ею потрясена. Сейчас пишу только, чтобы Вы знали, как я Вам благодарна, что Вы мне ее послали (а вчера пришли «Версты»²). Я напишу Вам обо всем подробно. Здесь Ваши книги читаются с большой любовью и интересом всеми моими друзьями. Рутенберг³ (он) еще перевел Николу.⁴ Он русского языка не знает, т. е. плохо знает, и человек холерического темперамента, и совсем ребенок; ему кажется, что он один все понимает, т<ак> ч<то> сравниться с ним трудно. Вы, пожалуйста, *все* отмечайте, что не так. Это ему полезно. Он хоть и просит меня дословно ему все переводить, но с моим пониманием не согласен часто.⁵ Он в восторге от Ваших вещей. Жаль, что у него мало времени. О Взвихренной Руси одно пока скажу, какой свет и какое «да» сквозь тьму и ад.

И вот это самое истинное что сквозь тьму.

Это через смерть — к Воскресению. *Да* — земле.

Альберт Стеффен написал драму *Der Chef des Generalstab*<s>.⁶ — Молтке главное лицо.⁷ В его драме <2 слова зчркн.> выступление на сцене еще живое.

Там на сцене *Geistes Forscher* (Доктор Штейнер, Михаил Архангел, ... Ариман).⁸ Очень сильная вещь. Если бы у меня были деньги ее купить, послала бы Вам, м<ожет> б<ыть>, попрошу его Вам ее послать.⁹

Пока кончаю. Это только, чтобы откликнуться.

О Серафиме Павловне часто думаю и не пишу только оттого, что в тисках, из-за времени.

В феврале еду читать лекцию (по-немецки! Вот нахальство!) в Прагу, в каком-то женском клубе. Если у Вас там есть кто-нибудь, с кем думаете мне хорошо встретиться, напишите мне. А летом думаю приехать в Париж. У меня 30 учеников живописи. Сейчас слушаю лекции Бока¹⁰ о Деяниях Апостолов. Как много истинного прозрения у этих священников *Christengemeinschaft*.¹¹

Шлю Вам и Серафиме Павловне мой самый сердечный привет.

Ваша Маргарита Сабашникова

P. s.

Один *Priester Christen Gemeinschaft* писал мне из Кельна, не могу ли я узнать для него, нет ли в Кельне русского, могущего ему давать уроки русского языка, *настоящего* русского.

М<ожет> б<ыть>, Вы можете это узнать для меня?

¹ Роман «Взвихренная Русь» вышел из печати в издательстве дочерей С. В. Рахманинова «ТАИР» в конце декабря 1926 года; на обложке издания поставлен 1927 год (подробнее об истории подготовки издания см.: *Обатнина Е. Р.* Этюды к творческой биографии А. М. Ремизова: 1926–1927 гг. Часть вторая: Были и небыли парижских будней // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 15–18). Первые экземпляры книги Ремизов рассылал друзьям и знакомым в январе наступившего года.

² По всей вероятности, речь идет о первом номере журнала «Версты», начатого изданием летом 1926 года под редакцией Д. П. Святополка-Мирского и П. П. Сувчинского при участии А. М. Ремизова и М. И. Цветаевой. В приложении к первой книге, в частности, был опубликован подготовленный Ремизовым список Жития протопопа Аввакума. Подробнее об участии Ремизова в журнале см.: «...с Вами беда — не перевести»: Письма Д. П. Святополк-Мирского к Ремизову (1922–1929) / Публ. Р. Хьюза // Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб., 2003.

[Вып.] V. С. 335–401; *Обатнина Е. Р.* Этюды к творческой биографии А. М. Ремизова: 1926–1927 гг. Часть первая: «Эстетго-разложенец» // Литературный факт. 2020. № 3 (17). С. 8–53.

³ Рутенберг Вильгельм (Ruhtenberg; 1888–1954) — уроженец Риги; антропософ, педагог Вальдорфской школы, учрежденной в Штутгарте в 1919 году (см. о нем в словаре, посвященном первому педагогическому составу школы: *Der Lehrerkreis um Rudolf Steiner in der ersten Waldorfschule*. Stuttgart, 1977); переводчик произведений Ремизова на немецкий язык; в письмах писателю пользовался русифицированным именем «Василий Тобиасович». Подробнее о его контактах с Ремизовым см.: *Поляков Ф. Б.* 1) «Взаимное тяготение культур». Р. 347–360; 2) Алексей Ремизов и его переводчики в Германии. Р. 355.

⁴ В 1927 году Рутенберг перевел и опубликовал в ежемесячнике антропософии «Die Drei. Monatsschrift für Anthroposophie. Dreigliederung und Goetheanismus» (выходил в Штутгарте с февраля 1921 по март 1931 года) три ремизовские легенды о Святителе Николае. Первая публикация появилась в апрельском номере (1927. № 1) и состояла из двух новелл — «Никола Милостивый» и «Воровская свеча» («Nikolaus der Gnadenreiche», «Die Diebskerze»). Вторая — «Никола Судия» («Nikolaus als Richter») — в сентябрьской книге (№ 6). О выполненных Рутенбергом переводах из цикла ремизовских легенд о Николае Чудотворце см.: *Поляков Ф. Б.* Алексей Ремизов и его переводчики в Германии. Р. 328–329.

⁵ Покровительственное отношение Сабашниковой к Рутенбергу отразилось и в его письме, адресованном Ремизову 12 октября 1926 года. См. об этом выше, с. 254. См. также извлечения из этого эпистолярного документа в статье: *Поляков Ф. Б.* Алексей Ремизов и его переводчики в Германии. Р. 326–327.

⁶ Штеффен Альберт (Steffen; 1884–1963) — швейцарский поэт, художник, драматург, романист, художник; один из сподвижников Штейнера, присоединившийся к учению в 1907 году; в 1921-м по поручению Доктора возглавил еженедельник «Das Goetheanum», в 1922-м стал генеральным секретарем Антропософского общества в Швейцарии; с 1923 по 1963 год руководил отделом изящных наук Всеобщего антропософского общества. Речь идет об издании драмы «Начальник Генерального штаба»: *Steffen A. Der Chef des Generalstabs / Dramatische Handlung in fünf Akten*. Dornach, 1927. Ср. воспоминания Сабашниковой-Волошиной о знакомстве со Штеффеном в Мюнхене в 1911 году: «...поэт Альберт Штеффен. Тогда мне запомнился только его дантовский профиль и необычайно серьезные глаза. Прозрачный покров кротости лежал на его лице, но резкие, будто вырезанные, черты этого лица напоминали о скалах его родины. Только через десять лет я снова встретила его в Дорнахе» (цит. по: *Зеленая змея*. С. 200).

⁷ Мольтке Младший, Хельмут Иоганн Людвиг (Moltke, Helmuth von; 1848–1916) — немецкий военный деятель, генерал; племянник Х. Мольтке Старшего; в 1906–1914 годах — командующий Генерального штаба. В ходе Первой мировой войны стратегическая ошибка Мольтке в Марнском сражении 1914 года привела к поражению германской армии. 14 сентября 1914 года отстранен от должности. В предисловии к первому изданию драмы Штеффен писал: «Я не смог бы создать драму „Начальник Генерального штаба“, не проникнув через „Воспоминания, письма, документы“ Гельмута фон Мольтке в дух и сердце великого полководца. Мне было позволено встретиться в духе с его обликом, где земное имя исчезает и только бессмертная сущность имеет значение» (*Steffen A. Der Chef des Generalstabs*. S. [1]; благодарим за перевод Ф. Б. Полякова). См. также о связях Мольтке с Рудольфом Штейнером в статье: *Zander H. Der Generalstabschef Helmuth von Moltke d. J. und das theosophische Milieu um Rudolf Steiner // Militärgeschichtliche Zeitschrift*. 2003. Bd. 62. H. 2. S. 423–458; а также: *Meyer Th.* «Hier habt ihr die Wahrheit...»: Eliza von Moltke über die Beziehung zwischen Rudolf Steiner und Helmuth von Moltke und über Albert Steffens Stück «Der Chef des Generalstabs» // *Der Europäer*. 2001. Jg. 5. № 8. S. 7–8.

⁸ Перечисляются герои драмы Штеффена, названные «исследователями Духа» (Geistesforscher), к числу которых причислен Рудольф Штейнер и персонафицированные воплощения добра (Архангел Михаил) и зла (Ариман) как два ключевых образа в учении Доктора.

⁹ В архиве Ремизова сохранилась одна записка Штеффена, датированная рукой Ремизова апрелем 1927 года («IV 1927»): «Wollen Sie, verehrte Frau Kiseleff, dem russischen Dichter Alexei Rémisof meine dankbaren Grüsse bringen.

Ihr herzlich ergebener
Albert Steffen
Er wohnt 120 bis av<enue> Mozart
5 Villa Flore

Paris XVIe» — «Могли бы Вы, уважаемая госпожа Киселева, передать мой благодарный привет русскому поэту Алексею Ремизову. Искренне Ваш Альберт Штеффен. Он проживает 120 bis av<enue> Mozart 5 Villa Flore Paris XVIe» (Amherst. A. Remizov and S. Remizova-Dovgello Papers. Series 1. Box 1. Folder 10; далее — Amherst; благодарим Ф. Б. Полякова за перевод с немецкого). Этот документ обнаруживает, по крайней мере, эпистолярные контакты Ремизовых с известной антропософкой и эвритмисткой Татьяной Владимировной Киселевой (1881–1970), автором книги «Эвритмическая работа вместе с Рудольфом Штейнером» (впервые вместе с дру-

гимии автобиографическими текстами: *Kisseleff T. Eurythmie-Arbeit mit Rudolf Steiner*. Basel, 1982). В личном архиве С. П. Ремизовой-Довгелло сохранилось три почтовых карточки от переехавшей из Дорнаха в Париж Киселевой, относящиеся к первой половине 1927 года (Amherst. Series 2. Serafima Remizova-Dovgello Papers, 1908–1943. Subseries 1. Correspondence).

¹⁰ Бок Эмиль (Bock; 1895–1959) — немецкий антрополог, доктор теологии; переводчик на немецкий язык Нового Завета, автор многочисленных богословских трудов, один из основателей и пастор Христианской общины в Швейцарии; с 1922 года жил в Штутгарте. В 1941-м, после запрета общины, был отправлен в гестаповский охраняемый лагерь Вельцхайм (под Штутгартом); освобожден в 1942 году. Лекции о Деяниях Апостолов, очевидно, легли в основу его очерков, вошедших в издание: *Bock E. Das Evangelium: Betrachtungen zum Neuen Testament* / [Die Hrsg. besorgte Gundhild Kačer-Bock]. Stuttgart: Urachhaus, 1984. См. также издание на русском языке: *Бок Э. Новый Завет в свете духовной науки. Очерки Евангелия*. М., 2007.

¹¹ Христианская община (нем.). Независимая религиозная община, близкая к антропософскому движению, была учреждена 16 сентября 1922 года в Дорнахе (Швейцария) группой из 45 теологов, пасторов и студентов, которые стали последователями учения Штейнера, сформировавшего основы нового христианского культа.

2

11/XII <19>28 Stuttgart
Schellbergstr <аße> 4¹
bei v <он> Kürthy

Дорогой Алексей Михайлович,

Как я благодарна Вам за то, что Вы послали мне, несмотря на мое возмутительное молчание в ответ на Вашу последнюю посылку книг, «Три серпа». ² Это так мило с Вашей стороны. Если бы Вы знали, с какой любовью эта книга мною читается! Только благодаря такому мастерству мог так явиться Лик Николы Угодника, и только в свете этого мастерства этот человеческий, сверхчеловеческий лик объединяет Париж, Византию, Россию. (Никола, как и Михаил Архангел, принимая все человеческие дела к сердцу, стирает границы народностей, воздвигая человеческий лик).

Хотелось бы о каждом рассказе поговорить особо, но лучше это сделать при свидании, на кот <орое> надеюсь. Язык «трех купцов» замечательный; ³ я в одиночестве на него радовалась. В Козлоках милых друзей узнала. ⁴ Но больше всего мне дал «Освобожденный», «Глаза» и об Анике. ⁵

«Звезду надзвездную» ⁶ читаю много и рассказываю друзьям. Многие будут радоваться, когда эта книжка выйдет на нем <ецком> языке. ⁷ Оля написана с мастерством и большой любовью. ⁸ Конечно, все близко, живо. Но м <ожет> б <ыть>, <самым любим <ым> надо ради мифа сперва пожертвовать. Этот язык и эта правда слишком близки языку и правде самой жизни.

Мне очень интересно, что Вы скажете об *Lebensgeschichte eines Jungen Menschen*. ⁹ Напишите отзыв. ¹⁰ Переведем!

Посылаю Вам «*Sturz des Antichrist*» его же ¹¹ и проспект <1 слово нрзб.> ¹² портрета. Мне лично эта драма кажется уж очень м <ате> матичной. Но все же она сильна моральной правдой, и <наверное?> в наше время может действовать как импул <ьс>.

Как Вы с Серафимой Павловной живете в Вашей н <овой> квартире? ¹³ Как Ваше здоровье? У меня большая потребность с Вами обоими повидаться; да не знаю когда накоплю столько денег (я 12 кв <артир> уже после нашего свидания переменяла). ¹⁴

Летом я была в Breitbrunn'e. Бауэр очень болен, по-прежнему всем очень горячо интересуется. ¹⁵ Я провела там месяц с Михаилом Александровичем Чеховым, гениальнейшим нашим актером. ¹⁶

Я живу в маленькой сосновой комнатенке рядом с Рутенбергами и школой. ¹⁷ Даю уроки и пишу картины.

В ноябре–декабре земля такая темная, и особенно ее любишь, потому что она темная. И особенно чувствуешь в этой тьме свет души и любовь.

И Вас обоих чувствую всегда, как близких.
От Вашей книги очень тепло; столько в ней любви и мудрости.
Шлю Вам обоим привет; и Парижу тоже.
И желаю Вам встретить праздник Рождества хорошо.
Сердечное спасибо, что не забываете.

Ваша Маргарита Сабашникова.

Если знаете о судьбе Муратова и Вяч. Иванова и адреса их, черкните, пожалуйста. ¹⁸ В Штутгарте у меня нет ни одной русской души, нет ученика, гов<орящего по-русски — ?>. ¹⁹

¹ Со времени предыдущего письма Сабашникова сменила адрес в пределах одной улицы.

² Очевидно, речь идет о первом томе двухтомника, выпущенном издательством «ТАИР» в декабре 1928 года, в котором писатель собрал корпус народных легенд о Николае Чудотворце и других святых, восходящих к византийским источникам древнерусской книжности: *Ремизов А. Три серпа: Московские любимые легенды*. Париж, 1929. Т. 1. Второй том вышел в свет в первой половине 1929 года.

³ Рассказ «О трех купцах». Об источниках текстов в книге «Три серпа» см. комментарий В. Н. Быстрова: *Ремизов А. М. Собр. соч.* СПб., 2017. Т. 13. Россия в письменах. С. 797–852.

⁴ Герои рассказа «О ковче» — византийский серебряных дел мастер Козлок и его супруга Анна Петровна; в их характерах отчасти были воспроизведены черты самого писателя и его жены Серафимы Павловны. Впоследствии в романе «Учитель музыки» (первые главы появились в печати в 1931 году) образ русского парижанина Ивана Андреевича Козлока, наряду с многочисленными автобиографическими героями, станет одной из проекций литературной личности самого Ремизова. Ср.: «Я — и Корнетов и Полетаев и Балдахал-Тирбушон и Судок и Козлок и Куковников и Птицин и Петушков и Пытко-Пытковский и Курятников и, наконец, сам авантюристический африканский доктор. Все я и без меня никого нет. Да иначе и невозможно: писатель описывает только свой мир и ничей другой, и этот мир — его чувства и его страсть» (*Ремизов А. М. Собр. соч.* М., 2002. Т. 9. Учитель музыки: Каторжная идиллия. С. 437).

⁵ Вместе с названными рассказами первого тома книги «Три серпа» упоминается легенда «Нареченная доля» о наказанном Николаем Угодником купце Анике.

⁶ Имеется в виду книга Ремизова «Звезда надзвездная: Stella Maria Maris» (Париж, 1928), составленная из авторских переложений апокрифических сказаний.

⁷ Перевод книги, вышедшей из печати в октябре 1928 года, был осуществлен совместными усилиями Гертруд Ган (см. о ней прим. 5 к п. 4) и В. Рутенберга: *Remisov A. Stella Maria Maris. Russische Legenden / Übertragen von G. Hahn und W. Ruhtenberg*. Stuttgart; Den Haag; London, 1929). Также о переписке переводчиков с писателем см.: *Поляков Ф. Б.* Алексей Ремизов и его переводчики в Германии. Р. 326–329.

⁸ Речь идет о повести «Оля», выпущенной в частном издательстве поэта В. В. Диксона «Вол» (Париж, 1927). Повесть основывалась на воспоминаниях С. П. Ремизовой о детстве и юности. Подробнее историю создания см. в комментарии В. Н. Быстрова: *Ремизов А. М. Собр. соч.* СПб., 2019. Т. 15. В розовом блеске. С. 655–676.

⁹ Роман А. Штеффена: *Steffen A. Lebensgeschichte eines Jungian. Menschen*. Stuttgart, 1928.

¹⁰ Предложение написать рецензию, несомненно, было связано с уже состоявшейся публикацией ремизовского отклика на очерк Сабашниковой о старце Макарии (Благонамеренный. 1926. № 2). Подробнее см. выше, с. 253, прим. 38.

¹¹ «Драматический набросок» в трех действиях А. Штеффена — «Der Sturz des Antichrist» (Dornach: Verlag für schöne Wissenschaften, 1928).

¹² Здесь и далее в угловых скобках отмечены фрагменты писем, в рукодельном альбоме с личной корреспонденцией Ремизова заклеенные полосками бумажного переплета.

¹³ 1 ноября 1928 года Ремизовы сменили адрес проживания в Париже, переехав из района de Passy (5 Villa Flore, 120 bis Av. Mozart) в 13-й округ, примыкающий к Латинскому кварталу (11 Bd. Port-Royal). Ср.: «Ремизовы сняли немеблированную квартиру в Латинском квартале, на бульваре Пор-Руаяль, на пятом этаже, купив на выплату немного мебели. Внизу дома был расположен кинематограф» (цит. по: *Резникова Н. В.* Огненная память. С. 136).

¹⁴ Подразумевается приезд Сабашниковой в Париж, вероятно состоявшийся летом 1927 года, который она планировала в п. 1.

¹⁵ Бауэр Михаэль (Bauer; 1871–1929) — входил в узкий круг первых учеников Штейнера; крупный деятель антропософского движения, автор религиозно-философских и педагогических сочинений. С Бауэром, а также с его биографом и близким другом Маргаретой (Morgenstern,

урожд. Gosebruch; 1879–1968), женой поэта и антропософа Кристиана Моргенштерна (Morgenstern; 1871–1914), Ремизовы познакомились в июле 1922 года, когда путешествовали по Верхней Баварии и благодаря посредничеству переводчицы Ф. Фриш побывали в местечке Брайтбрунн на озере Аммер (Breitbrunn am Ammersee), где вокруг дома Бауэра и супругов Моргенштерн образовалась антропософская колония. См. упоминания об этой поездке: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 11. С. 482; «На вечерней заре»: Главы из рукописи; Письма к С. П. Ремизовой-Довгелло. 1921–1922 гг. (окончание). С. 54; *Поляков Ф. В.* «Взаимное тяготение культур». Р. 355–356.

¹⁶ Чехов Михаил Александрович (1891–1955) — племянник А. П. Чехова; актер, режиссер, художественный руководитель первой и второй студии МХТ; театральный педагог; в 1928 году не вернулся в Москву из гастрольного турне по Германии. С конца 1910-х Чехов был убежденным последователем учения Штейнера. Об общении актера с Доктором и опыте постижения его учения см.: *Чехов М.* Жизнь и встречи // Новый журнал. 1944. № 8. С. 20–25, 40–45; Лекции Рудольфа Штейнера о драматическом искусстве в изложении Михаила Чехова // Мнемозина: Документы и факты из истории отечественного театра XX века: Исторический альманах. М., 2006. Вып. 2 / Ред.-сост. В. В. Иванов. С. 85–190; *Отан-Матье М. К.* Михаил Чехов и антропософия Рудольфа Штейнера // Постигание Запада. Иностранная культура в советской литературе, искусстве и теории 1917–1941 годов: Исследования и архивные материалы / Отв. ред. Е. Д. Гальцова. М., 2015. С. 544–560. Сабашникова-Волошина посвятила артисту страницы своих воспоминаний; см.: *Зеленая змея*. С. 301–302, 401–404. Ремизов был лично знаком с актером, бывавшим в его парижской квартире (см. упоминание: *Кодрянская Н.* Алексей Ремизов. С. 29). См., в частности, о драматическом мастерстве Чехова в сценическом воплощении образа Хлестакова: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 9. С. 400; для своего альбома «Театр» писатель выполнил два рисунка, связанных с личностью и деятельностью актера, — портрет «Михаил Чехов» (Берлин, 1921, ноябрь) и «Театр. М. Чехов» (Париж, 1931, октябрь). См.: *Images of Aleksei Remizov: Drawings and Handwritten and Illustrated Albums from the T. P. Whitney Collection / Essay and Catalogue of the Exhibition by G. N. Slobin.* [Amherst, Mass.]: Mead Art Museum, Amherst College, 1985. P. 41, 43.

¹⁷ Речь идет о Вальдорфской школе и семье Рутенберга (см. прим. 3 к п. 1).

¹⁸ Историк искусства, писатель Павел Павлович Муратов (1881–1950) в 1922 году не вернулся в Россию, выехав в заграничную командировку; в 1923 году из Берлина переехал в Рим, где жил до 1927 года. Поэт, теоретик символизма, философ Вячеслав Иванович Иванов (1866–1949) в 1924 году выехал в Италию по командировке Наркомпроса, жил в Риме до лета 1926 года, затем переселился в Павию для работы в колледже «Карло Борromeо», с 1934 года вернулся в Рим. С Ивановым Сабашникову-Волошину связывала пережитая в 1907 году любовная драма, отражение которой находим в воспоминаниях «Зеленая змея» (см.: Книга Третья: Пути и перепутья). Об этом биографическом сюжете см.: *Волошин М.* История моей души. С. 155–193; *Богомолов Н. А.* Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. М., 2009. С. 200–249.

¹⁹ Нижний край оригинала письма с утратами текста; содержание восстановлено нами по смыслу, с учетом сохранившихся обрывков слов.

3

Arleisheim bei Basel
Rütiweg bei Hans Kühn¹
<начало второй декады мая 1930>²

Дорогой Алексей Михайлович,

Вчера спрашивал меня известный актер Haas Berkow,³ который уже много лет с большим успехом путешествует по городам Германии и играет со своей труппой разные средневековые, народные драмы, комедии, действия и т<ак> д<але>, > современные тоже в известном сказочном или легендарном направлении, нет ли у Вас подходящих для его сцены «Действ»,⁴ или же легенд, которые можно было бы драматизировать. Он меня просил сейчас же Вам написать, п<отому> ч<то> он как раз приступает к подготовке нового репертуара и на днях уезжает отсюда (он ученик Д<октора> Штейнера и здесь живет), и попросить Вас послать сюда на мое имя то, что у Вас имеется и ему это показать и рассказать (кстати, и Рутенберг здесь).

Ну вот, значит очень ждем. Человек он талантливый, энергичный, известное в Германии имя; если у Вас Ваши действия в одном экземпляре, то не бойтесь, с точностью вернем.

Я здесь останусь до конца мая. А он надеется, что книгу Вашу мы получим послезавтра и до его отъезда еще ознакомится с ней.

Шлю Вам и милой, дорогой Серафиме Павловне поклон и сердечный привет.

Ваша Маргарита Сабашникова-Волошина

¹ Ганс Кюн (Kühn; 1889–1977) — немецкий предприниматель, антропософ; владелец издательства Columban-Verlag Arlesheim; писатель, автор книги, посвященной учению Штейнера о взаимодействии социальной и духовной сфер жизни «Dreigliederungszeit. Rudolf Steiners Kampf für die Gesellschaftsordnung der Zukunft» (Dornach, 1978).

² Письмо датируется в соответствии с содержанием п. 4.

³ Хаас-Берков Готфрид (Haas-Berkow; 1888–1957) — актер, руководитель театральной труппы, антропософ; с 1912 года вошел в круг учеников и последователей Р. Штейнера, реализуя в постановках мистерий идею антропософского учения о воплощении духовных образов. См. о нем: Niessen C. Haas-Berkow Gottfried // Neue Deutsche Biographie. 1966. Bd. 7. S. 384; Haas-Berkow G. Experiences in the Realm of Dramatic Art // A Man Before Others. Rudolf Steiner Remembered: A Collection of Personal Memories from the Pages of Golden Blade and Others Sources. Bristol: Rudolf Steiner Press, 1993. S. 34–45.

⁴ Сабашникова подразумевала драматические произведения Ремизова, которые впервые под названием «Русальные действия» были объединены в восьмом томе «Сочинений» писателя (СПб.: Шиповник, [1912]). Ремизовская драматургия, основанная на народных легендах и апокрифах, воплощала идею возврата к синкретическому древнему искусству. Как отмечал единомышленник писателя Вс. Э. Мейерхольд, оценивая состояние модернистского театра, «Алексей Ремизов дает начало современной мистерии по образцу раннего средневековья» (цит. по: Мейерхольд Вс. О театре. СПб., 1913. С. 115). Подробнее о театральной концепции Ремизова см. в исследовательских текстах, сопровождающих научное издание пьес: Ремизов А. М. Собр. соч. СПб., 2016. Т. 12. Русалия. О значении постановок «драм-мистерий» в концепции Штейнера см. в главе «Мистерия Слова» книги Сабашниковой-Волошиной (Зеленая змея. С. 221–229), а также: Штайнер Р. Мистерии древности и христианство / Пер. О. Н. Анненковой. М.: Духовное знание, 1912; Anderson N. Rudolf Steiner's Art of Acting: an introduction // The Journal of Performance and Mindfulness. 2019. Vol. 2. № 2. P. 1–12.

4

Arlesheim Ruthywey 4
<27 мая 1930>¹

Дорогой Алексей Михайлович,

Благодарю Вас очень за скорое исполнение моей просьбы. Я в тот же день прочла, переводя à livre ouvert² бесовское действие³ (как оно сильно). Haas-Berkow, к сожалению, в тот же день уже уехал, а слушала его жена, тоже актриса, нашла это очень сценичным и для них подходящим. Засадили Рутенберга переводить. Только у них людей всего 9 человек. Сегодня Haas-Berkow приехал. 7 июня будут обсуждать. Переводим тоже мою драматическую сказку о «Солнечном хлебе».⁴ Я скоро уезжаю опять в Ш<тутгар>т (Marienstr<asse> 48 IV) и передаю книгу, т. е. *ответственность за нее Рутенбергу*, кот<орый> переводит.

Сердечный Вам обоим привет.

Ваша Маргарита Сабашникова

F <räu>lein Hahn, с кот<орой> я сейчас встретила, по-настоящему оч<ень> талантливый и ценный человек.⁵

¹ Датируется по почтовому штемпелю, на почтовой открытке также имеется помета рукой Ремизова: «1930».

² С листа, без подготовки (фр.).

³ Речь идет о первом драматическом произведении Ремизова «Бесовское действо над неким мужем, а также прение живота со смертью», театральная постановка которого (4 декабря 1907 года на сцене Драматического театра, учрежденного в Петербурге знаменитой актрисой Верой Федоровной Коммиссаржевской) состоялась раньше публикации в печати — в третьей книге альманаха «Факелы» (СПб., 1908. С. 33–88). «Прения Живота со Смертию» — центральное событие Сцены II, в которой обыгрывается распространенный сюжет древнерусской литературы, появивший в репертуар русского народного театра благодаря переводу благодаря стихотворного источника, получившего название «Двоесловие живота и смерти, сиречь стяжание животу с смертью». Вскоре перевод, распространявшийся в списках, обрел известность под названием «Прение живота со смертью». См. об источниках пьесы Ремизова в автокомментариях писателя и пояснениях И. Ф. Даниловой: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 12. Русалия. С. 765.

⁴ Публикация текста не выявлена.

⁵ Ган Гертруд (Hahn; ? — после 1955) — переводчица, эссеист, публиковалась в антропософских изданиях; жила в Мюнхене. Исходя из контекста письма, благодаря Ремизову познакомилась с Сабашниковой; впоследствии также вошла в круг общения ее брата Алексея Васильевича Сабашникова (1883–1954), о котором в 1955 году опубликовала посмертный очерк (сообщено К. М. Азадовским). Ее эпистолярные контакты с Ремизовым начинаются с письма от 2 февраля 1922 года (Amherst. Series 1. Box 2. Folder 3), удостоверяющего ее хорошее знание русского языка, в котором она обратилась с просьбой о разрешении публикации на немецком языке произведений писателя. Ее первый опыт переводческой работы — цикл легенд «Цепь золотая» в редакции 1922–1923 годов (впервые в авторском сборнике «Весеннее порошье». Пг.: Сирин, 1915. С. 143–165) — был выпущен из печати самостоятельной книгой, в которой она выступила также как автор послесловия и оформитель обложки: *Remisow A.* Die goldene Kette: Weltpassionen. Altrussische Legenden. München: Pflüger Verlag, 1923. Во втором номере журнала «Благонамеренный» Ремизов опубликовал нечто вроде анонса этого немецкого издания книги (с. 165), перечисляя основные символические топосы и сюжеты включенных в нее произведений: «Солнце, месяц, звезды, „страсти“, ангелы и демоны. Страсти Адама. Страсти Богородицы. Воплощение. И отречение. (По-русски не издано)» (А. Р. [Ремизов А. М.]. Die goldene Kette. Weltpassionen. Altrussische Legenden nach Alexei Remisow / Übertragen von Gertrud Hahn. München: Pflüger Verlag, 1923). Планы Ган относительно переводов произведений Ремизова пересекались с намерениями В. Рутенберга, который видел в ней свою конкурентку. В частности, в письме Ремизову он заметил: «(по моему мнению) г-жа Ган не способна» передать «то чувство, которое оживает в душе читателя при чтении русского текста» (Amherst. Series 1. Box 4. Folder 10; письмо от 12 октября 1926 года). Однако ради уже подготовленных переводов им пришлось разделить часть текстов и подготовить совместное издание книги «Stella Maria Maris. Russische Legenden» (см. п. 2, прим. 6). См. также о Г. Ган: *Поляков Ф. Б.* Алексей Ремизов и его переводчики в Германии. Р. 327–329.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-4-261-271

© Д. К. Баранов

РОЛЬ ЦИКЛА «ЧЕМОДАН» В ЭВОЛЮЦИИ ПОЭТИКИ С. Д. ДОВЛАТОВА

Исследователи отмечали, что цикл С. Д. Довлатова «Чемодан» на уровне тематики, проблематики, сюжетных ходов, персонажей, мотивов перекликается со всеми значимыми произведениями автора.¹ Однако на творчество Довлатова редко смотрят в диахронии, и неясным остается вопрос о роли этого цикла в эволюции поэтики автора. Для того чтобы разобраться в нем, обратимся к одной из стержневых тем

¹ См., например: *Сухих И. Н.* Сергей Довлатов: время, место, судьба. СПб., 2006. С. 172; *Доброзракова Г. А.* Интертекстуальные связи повести С. Довлатова «Чемодан» с произведениями русской классической литературы XX–XXI веков // *Известия Саратовского ун-та. Новая сер. Сер. Филология. Журналистика.* 2011. Т. 11. Вып. 1. С. 79–80; *Егорова Е. Н.* Вещь как ключ к воспоминанию (культурно-семантический анализ произведения «Чемодан» С. Д. Довлатова) // *Вестник славянских культур.* 2018. Т. 48. С. 204–207.